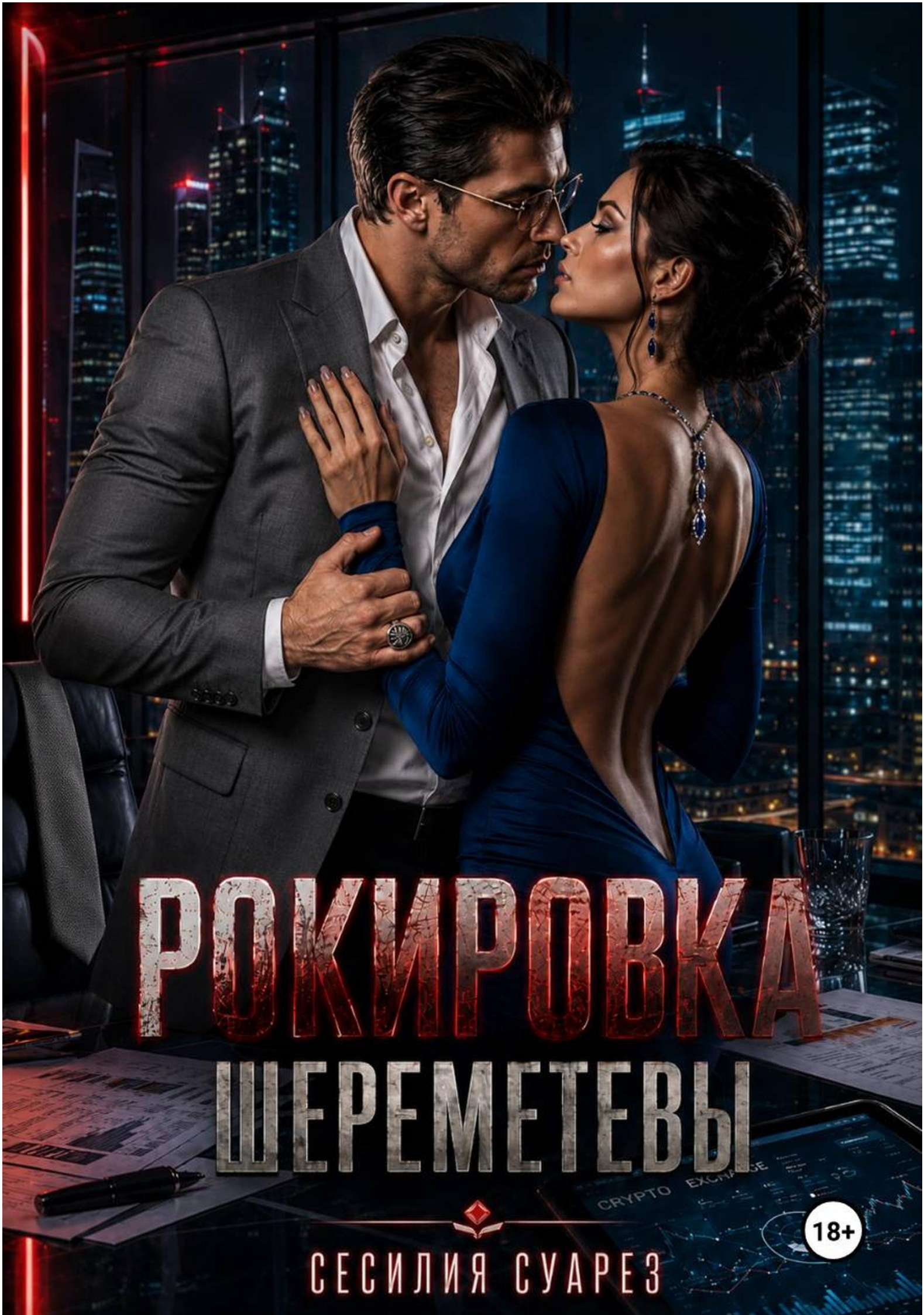
РОКИРОВКА
ШЕРЕМЕТЕВЫ
CRYPTO EXCHANGE
18+
СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

Сесилия Суарез

Рокировка. Шереметевы

«Автор»

2026

Суарез С.

Рокировка. Шереметевы / С. Суарез — «Автор», 2026

— Серьёзно? Я тут традиции пытаюсь соблюсти, а ты не понимаешь ни черта? Он откладывает приборы и начинает заливисто хохотать. Он сошёл с ума. Определённо. Я ему отказала, и в нём проснулась психическая болезнь. И я с психом наедине в лесу. Заперта. Твою-ю ж мать.— Что ещё за традиции? — пытаюсь поддержать разговор.Он перестаёт смеяться и смотрит на меня уже без тени улыбки.— Я похитил невесту.Говорит тихо и спокойно, и продолжает есть.

© Суарез С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Рокировка 5
Глава 1. Казанская княжна 6
Глава 2. Мой герой 10
Глава 3. Победитель 15
Глава 4. Подготовка к роли 20
Глава 5. Библиотека МГУ 22
Глава 6. Смотрины 27
Глава 7. Сад 30
Глава 8. Ужин 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Сесилия Суарез
Рокировка. Шереметевы

Рокировка

Это единственный ход в шахматах, при котором двигаются сразу две фигуры: король и ладья. Она нужна, чтобы увести короля в безопасное место и одновременно ввести в игру сильную ладью.

Глава 1. Казанская княжна

Дебют — это начало партии, когда игроки делают первые ходы, обозначая свои намерения. Ошибка в дебюте может стоить всей игры, но ещё опаснее — недооценить соперника.

Алина

Я сидела на кровати в номере московского «Метрополя», поджав под себя ноги, и на коленях лежал раскрытый ноутбук. Рядом на смятой простыне были разбросаны распечатки: финансовые сводки, графики роста, скриншоты из социальных сетей. За окнами медленно, нехотя разгорался серый рассвет, и золотые купола вдалеке только начинали проступать из тумана, а я уже полчаса разглядывала фотографию Виктора Соколова. Он стоял на фоне своего офиса — сутулый, немного растерянный, в пиджаке, который явно был куплен ещё до того, как его стартап стал хоть что-то стоить. На другом снимке он обнимал за талию ослепительную блондинку с ногами от ушей.

Я знала о нём всё. Знала, что он пьёт кофе с миндальным молоком, что его любимая группа — «Раммштайн», что он мечтает о «Порше-911» цвета мокрого асфальта и что его мать до сих пор живёт в маленькой квартире в Подольске, хотя он уже мог бы купить ей целый этаж и даже дом. Но главое — он был гениален — его алгоритм предиктивной аналитики, который я впервые увидела три месяца назад на закрытой презентации в Казани, заставил моё сердце биться быстрее. Это был не просто код. Это была симфония. Настоящее оружие, которое могло перевернуть рынок. И я сразу поняла: это моё. Я найду способ заполучить его, не спугнув, не сломав, не дав понять, насколько он мне нужен.

Три месяца я играла в долгую. Приезжала в Москву якобы по другим делам, заходила в их офис — маленький, тесный, пропахший растворимым кофе и юношеским максимализмом, хвалила интерфейс, задавала умные вопросы, смеялась их шуткам. Я осторожно, по капле, вкладывала деньги через подставной венчурный фонд, чтобы они могли нанять ещё одного разработчика, обновить серверы, снять помещение поприличнее. Я стала для них доброй феей, которая появляется раз в месяц, оставляет чек и исчезает, не требуя отчётов. И всё это время я ждала. Ждала, когда они созреют. Когда поймут, что без меня им не выжить. Когда Соколов придёт ко мне сам и скажет: «Алина Маратовна, забирайте. Мы ваши».

И вот теперь я была в шаге от победы.

Телефон завибрировал, и я машинально сбросила звонок, даже не взглянув на экран. Это была мама. Она звонила каждое утро, и каждое утро я сбрасывала, обещая себе перезвонить позже, но никогда не перезванивала. Она хотела знать, как прошли переговоры с потенциальным женихом — да-да, я приехала в столицу не только ради бизнеса, но и ради смотрин, которые устроил мой отец. Смотрин! Будто мы в девятнадцатом веке, и меня, как породистую кобылу, выводят на ярмарку перед почтенными покупателями. Но сейчас меня интересовал только «Нейро-Линк».

Я потянулась, разминая затёкшую шею, и встала с кровати. Подошла к зеркалу во весь рост, критически оглядела себя. Бледная кожа, тёмные круги под глазами — ночь без сна никого не красит. Ничего, макияж всё исправит. Я открыла чемодан, где в идеальном порядке, присыпанные тонкой папиросной бумагой, лежали мои доспехи. Сегодня я выбрала костюм цвета королевского синего — родовой цвет Золотарёвых, глубокий, как сапфир, и такой же твёрдый. Юбка-карандаш ниже колен. Белая шёлковая блузка, застёгнутая на все пуговицы, до самого горла. Никаких декольте, никаких намёков. Волосы я собрала в низкий узел, открывая шею. Макияж — только тушь, тон и нюдовая помада. Я не собиралась никого соблазнять. Я собиралась побеждать.

Пока я закалывала узел, телефон тренькнул снова. Сообщение от Майи, моей помощницы, которая осталась в Казани. Я взглянула на экран и замерла. Она прислала фотографию: Соколов, сияющий, как начищенный самовар, садится в новенький «Порше-911». Темно-серый, блестящий, с красными тормозными суппортами — машина его мечты, вплоть до оттенка. Я сама когда-то думала подарить ему такую, но решила, что это слишком рано. Слишком явно. А кто-то другой так не решил.

— Кто? — коротко написала я Майе, хотя уже знала ответ. Чувствовала его, как хищник чует другого хищника за километр.

— Шереметев, — пришёл ответ. — Доставили машину сегодня утром. Подарок. Без условий.

Разумеется, без условий. Никакого давления. Я отложила телефон и несколько секунд просто стояла, глядя в стену. Шереметев в игре. Стоило этого ожидать. Очевидно, такой актив не мог остаться незамеченным. Я уважала его как бизнесмена — невозможно было не уважать человека, который в тридцать пять лет управлял крупнейшим банком страны, имел два высших образования и репутацию ледяного стратега, который просчитывает всё на десять ходов вперёд. Я читала о нём в «Форбс», я изучала его сделки, я даже восхищалась — на расстоянии, разумеется. Из безопасного далёка. Но сейчас он вторгся на мою территорию, нацелился на то, что я растила месяцами, и это меняло дело. «Нейро-Линк» был моим. И только моим.

Я взяла планшет и быстро, привычными движениями пробежалась по перекрёстным ссылкам, которые собрала для меня Майя. Соцсети Соколова, соцсети его сотрудников, соцсети его девушки. Карина, двадцать три, модель, в запрещенной соцсети — сплошь пляжи, спасалоны и селфи в зеркальных лифтах. Она была красива той откровенной, глянцевой красотой, которая не требует ума, и, кажется, полностью осознавала это. На каждом втором снимке она держала в руках новую сумку, и подпись гласила что-то вроде «Лучший мужчина — тот, кто знает, о чём мечтает его девочка». И ни одного кадра с её «лучшим мужчиной». Интересно. Очень интересно.

— Что ж, — пробормотала я, откладывая планшет. — Война так война.

Я набрала номер Майи. Она ответила сразу — моя идеальная, незаменимая Майя, которая никогда не спала, когда я работала.

— Мне нужна сумка «Биркин», — сказала я без предисловий. — Розовый крокодил. Лимитированный выпуск. Найди. Через час она должна быть у Карины, любовницы Соколова. С запиской: «Это аванс. Убедите Виктора подписать договор с фондом, и таких сумок у вас будет три». Деньги возьми с резервного счёта.

— Алина Маратовна, — в голосе Майи мелькнула тень сомнения. — Это очень дорогая сумка, её так просто не достать.

— Я в курсе, — отрезала я. — И ещё, Майя. Шереметев назначил Соколову встречу наверняка. Узнай, где именно, и выясни, в каком номере живёт Соколов. Я хочу знать всё: когда он выходит, куда ходит, с кем встречается.

— Будет сделано.

Я приехала в отель в три часа дня, за четыре часа до встречи, которую Шереметев назначил Соколову. Заказала кофе в лобби, села в глубокое кресло и стала ждать. Я знала расписание Соколова, как своё собственное. Знала, что в четыре он выйдет из номера. Знала, что Карина будет с ним — после моей сумки она точно не отпустит его одного, будет висеть на локте и щебетать о том, как ей идёт розовый.

Он вышел из лифта ровно в четыре. Высокий, чуть сутулый, и я вдруг подумала, что он, наверное, даже не заметил, что пиджак помят. Такие люди, как Соколов, живут в мире кода, а не в нашем материальном мире. Он был гением и ребёнком одновременно. Карина висела у

него на руке ослепительная, сияющая, с той самой сумкой. Она заметила меня первой и чуть не споткнулась на своих невероятных шпильках.

— Виктор! — я поднялась из кресла, изображая приятное удивление. — Какая неожиданность! Вы тоже остановились в этом отеле? Я и не знала.

— Алина Маратовна? — он замер, явно смущённый. — Я думал, Вы в Казани.

— Я приехала по делам, — я улыбнулась и пожала ему руку крепко, но не агрессивно. — И, кажется, удачно. Вы же не против, если мы немного поговорим? Всего несколько минут. Я как раз хотела обсудить с Вами кое-что важное. То, что может быть интересно Вам и Вашей очаровательной спутнице.

Он замялся, покосился на Карину, но та уже смотрела на меня с откровенным любопытством, прижимая сумку к груди так сильно, как будто я могла её отобрать.

— Это ненадолго, — добавила я мягко. — И, поверьте, Вы не пожалеете. Я взяла на себя смелость заказать нам кофе. И для вашей девушки — бокал просекко. Вы же не откажетесь, Карина?

Та заулыбалась и кивнула, явно польщённая тем, что я обратилась к ней по имени. Я провела их в тихий угол лобби, где уже стоял столик с кофе и бутылкой просекко в серебряном ведёрке. Я села напротив, положила ногу на ногу и начала. Карина сразу стала щелкать кадры с сумкой и бутылкой в ведерке.

— Виктор, — я наклонилась чуть вперёд и понизила голос. — Буду с вами откровенна. Я знаю, что Андрей Шереметев сделал Вам предложение. Машина — это великолепный жест. Но я хочу, чтобы Вы понимали: он покупает Вас. Покупает быстро, чисто, без сантиментов. А я предлагаю вам другое. Я предлагаю вам партнёрство. Вы остаётесь во главе компании. Ваша команда — все, кто сидел с Вами ночами и писал этот код, — остаются на своих местах. Я не сокращу ни одного человека. И ваша очаровательная Карина, — я бросила взгляд на девушку, и та чуть не подпрыгнула от радости. — Тоже не останется внакладе. Подумайте, Виктор. Сумма, которую я предлагаю, позволит Вам путешествовать по миру ближайшие лет двадцать. Мальдивы, Куршавель, Сейшелы — всё, что угодно. Будьте любезны, посмотрите на цифры. Они перед Вами.

Я пододвинула к нему папку с контрактом и откинулась в кресле. Он открыл её, и я увидела, как его глаза расширяются, как пальцы начинают дрожать. Карина уже заглядывала ему через плечо, и её лицо озарялось всё более и более широкой улыбкой.

— Алина Маратовна, это… — он запнулся. — Это очень щедрое предложение.

— Да, — спокойно согласилась я. — Очень щедрое. Потому что Вы и Ваша команда этого заслуживаете. И, честно говоря, я не хочу, чтобы всё, что вы создали, попало в руки человека, который не ценит людей. Шереметев уволит ваших программистов в первый же месяц. Вы это понимаете? Я — нет. Я их сохраню. Давайте проясним: Вы хотите, чтобы ваша компания жила и развивалась, или чтобы она стала просто строчкой в чужом балансе?

Он молчал, и я видела, как в нём борются сомнения. Но Карина уже приняла решение за них обоих. Она схватила его за рукав и зашептала что-то на ухо, слишком громко, чтобы я не услышала: «Витя, это же Мальдивы! Витя, ну пожалуйста!» Я едва сдержала улыбку. Очевидно, розовый крокодил своё дело делал исправно.

— Я подумаю, — сказал он наконец, но я уже знала, что он согласен.

Я встала, поправила юбку и улыбнулась.

— Конечно. Думайте. Но не слишком долго. Моё предложение действительно до завтра. После этого я уеду в Казань, и второго шанса, боюсь, не будет.

Я развернулась и пошла к выходу из отеля, чувствуя, как внутри разливается знакомое, пьянящее чувство. Я переиграла Шереметева. Я чувствовала победу каждой клеточкой своего тела. Таким людям как Виктор важно, чтобы его людей не уволили при оптимизации.

Я уже подходила к стеклянной вертушке, когда увидела его. Высоченный, широкоплечий, в тёмно-сером пальто, с идеально зачёсанными назад волосами. Очки в тонкой золотой оправе. Холодные серо-голубые глаза. Он двигался, как хищник — плавно, уверенно, и люди вокруг него расступались, хотя он не делал для этого ничего. Просто их пугала его аура. Аура власти.

Наши глаза встретились. Он узнал меня — я видела это по тому, как чуть сузились его глаза, как напряглась челюсть. Он знал, кто я. И наверняка уже знал о сумке, знал о моём визите, знал, что я только что увела у него сделку прямо из-под носа. Я не отвела глаз. Очевидно, не в моих правилах было отступать.

Вместо этого я улыбнулась. Той самой улыбкой, которой меня научила мать. Вежливой. Холодной. Торжествующей.

Он не улыбнулся в ответ. Только чуть дёрнулся уголок его губ. Не улыбка — оскал.

Я прошла мимо него, почти касаясь плечом его пальто. Вертушка повернулась, выпуская меня на улицу. В лицо ударил холодный московский ветер, но я не замёрзла. Я глубоко вдохнула и позволила себе улыбнуться ещё раз — на этот раз искренне.

Добро пожаловать в игру, Андрей Константинович. Вас только что обыграла Алина Золотарёва.

Глава 2. Мой герой

Связка — это приём, при котором фигура не может отойти, потому что прикрывает собой более ценную. Иногда самая сильная защита — это грамотная связка, а самая неожиданная помощь приходит от врага.

Я вышла из отеля и на мгновение замерла на ступенях, подставляя лицо холодному ветру. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле — вероятно, от адреналина после нашей безмолвной дуэли с Шереметевым. Я обернулась и посмотрела сквозь стеклянные двери. Он стоял в лобби, разговаривая с кем-то из своих людей, и я вдруг поймала себя на мысли, что он красив. По-настоящему красив — той редкой, опасной красотой, которая не бросается в глаза, а проникает под кожу медленно, как яд.

Высокий, широкоплечий, с идеальной осанкой человека, который привык повелевать. Очки в тонкой золотой оправе придавали ему вид профессора — но профессора, который, очевидно, мог бы голыми руками разорвать любого, кто осмелится спорить с его теорией. Я не видела его несколько лет, и за это время он стал ещё более привлекательным. В нём появилась какая-то взрослая, уверенная тяжесть, которой не было раньше. Андрей Шереметев больше не был просто перспективным наследником. Он стал мужчиной, который точно знает, чего хочет.

Я заставила себя отвернуться, одёрнула лацканы жакета и зашагала прочь от отеля. У меня впереди был ещё один бой, и на этот раз поле сражения было куда менее приятным. Мама устроила мне смотрины. Смотрины! В двадцать первом веке! Словно я какая-то беспомощная тургеневская барышня, которую нужно пристроить в хорошие руки, пока не засиделась в девках. Я фыркнула, вспомнив, как матушка, величественная Гульнара Рашидовна, раскладывает передо мной фотографии потенциальных женихов, словно карты Таро: «Вот этот — владелец сети портовых терминалов, но у него усы. А этот — нефтяной магнат, но он коротковат. А этот...»

Ладно, признаю, сегодняшний кандидат был не так уж плох. По крайней мере, на бумаге. Тимур Рашидович Ахметов, двадцать два года, наследник нефтяной империи, молодой, амбициозный, с состоянием, которое могло бы обеспечить безбедное будущее трём поколениям Золотарёвых. Отец называл его «перспективным». Мать — «очаровательным мальчиком». Я ещё не видела его вживую, но досье, которое я изучила, рисовало портрет избалованного, самоуверенного парня, который привык, что мир вертится вокруг него. Он учился в Лондоне, играл в поло. Коллекционировал часы. И, очевидно, считал, что любая женщина, которой он оказывает честь своим вниманием, должна немедленно упасть к его ногам. Что ж, посмотрим, насколько он хорош в реальности.

Я села в машину и уже через двадцать минут входила в ресторан «Сахалин» — один из тех пафосных московских ресторанов с панорамным видом, где цены в меню не указаны, потому что если вам нужно их знать, значит, вы не можете себе этого позволить. Желудок предательски заурчал — с самого утра у меня во рту не было ни крошки, только две чашки кофе, которые я выпила в пять утра, и ещё одна — в отеле. Я была зверски голодна, и это раздражало.

Его я заметила сразу. Он сидел за столиком у окна, развалясь в кресле с таким видом, будто весь ресторан принадлежал ему. Костюм от Brioni, часы «Патек Филипп» на запястье, наглая улыбка, которая, кажется, никогда не сходила с его лица. Он не поднялся, когда я подошла, просто кивнул, как будто делал мне одолжение, и указал на стул напротив. Как галантно.

— Алина, наконец-то! Я уж думал, ты опоздаешь. Девушки вечно опаздывают, да? Ничего, я привык. Садись, я уже заказал тебе поесть.

Я замерла на полпути к стулу.

— Вы заказали мне еду?

— Ну да, — он пожал плечами, словно это было само собой разумеющимся. — Салат с рукколой и креветками, и вода с лимоном. Ты же следишь за фигурой? Все девушки следят за фигурой.

Я медленно опустилась на стул и положила салфетку на колени, стараясь, чтобы движения оставались плавными, а лицо — бесстрастным. Внутри у меня закипала ярость, смешанная с голодом, и это было гремучее сочетание. Он заказал мне салат. Салат! Как будто я кролик, а не взрослая женщина, которая способна самостоятельно выбрать себе еду. И воду с лимоном — этот классический напиток для тех, кто считает, что женщина не должна позволять себе ничего вкусного.

— Я не хочу салат, — сказала я, откладывая меню. — Я хочу стейк.

— Стейк? — он прищурился. — Ну, может, когда-нибудь потом. А пока — салат. И вода. Давай не будем спорить, милая.

«Милая». Он назвал меня «милой». Я представила, как вмазываю ему по самоуверенному лицу. Представила, как разбиваю его идеальный нос, как брызгает кровь на его безупречную рубашку. Жаль, нельзя. Папочка разозлится.

Я положила руки на стол и попыталась перевести разговор в деловое русло.

— Тимур Рашидович, расскажите мне о ваших активах. Я слышала, у вас есть портовые терминалы на Каспии?

— Есть, — он кивнул, но тут же отвёл глаза. — Но давай не сегодня, ладно? У нас романтический ужин, а ты о бизнесе. Скучно.

— Романтический ужин обычно предполагает, что оба участника хотят одного и того же, — заметила я.

— А ты не хочешь? — он подался вперёд, и его рука легла на мою ладонь. Сжала. Собственнически. — Ты не понимаешь, Алина. Ты красивая, умная, с тобой не стыдно показаться в обществе. Я сделаю тебя счастливой. Дом, дети, гардеробная размером с футбольное поле. Что тебе ещё надо? Да ладно, — он отмахнулся и отпил из своего бокала что-то, судя по цвету, виски. — Я же знаю, что Вам, девушкам, нравится, когда о вас заботятся. Ты же у нас умница, Алина, я наслышан. Криптовалюты, блокчейн, всё такое. Очень мило. Но, знаешь, когда мы поженимся, тебе не придётся больше этим забивать себе голову. У тебя будет всё, что захочешь: дом, дети, можешь хоть каждый день в спа ходить. Я не против.

Я улыбнулась улыбкой Джоконды. Вежливая, отстранённая, ничего не обещающая.

— Давайте проясним, Тимур Рашидович, — мой голос звучал мягко, но в нём звенела сталь. — Вы ведь ещё не знаете, соглашусь ли я.

— А чего тут не соглашаться? — он искренне удивился. — Я молод, богат, у меня отличная родословная. Твой отец уже дал предварительное согласие. Ты красивая, я красивый. Дети у нас будут — загляденье. Всё решено, по сути.

«По сути». Я чуть не рассмеялась ему в лицо. Он уже решил. За меня. За моего отца. За всех. Я смотрела на него, пока он говорил, и невольно — совершенно, абсолютно невольно — сравнивала его с тем мужчиной, которого видела полчаса назад в лобби отеля. Шереметев тоже был властным, но его власть была другого рода — спокойная, уверенная, не нуждающаяся в показной браваде. А этот мальчик смотрел на меня как на красивую вещь, которую он почти купил.

Почему я вообще сравниваю? Это абсурд. Шереметев — мой конкурент, он только что пытался украсть у меня компанию, он холодный, расчётливый, и я не должна думать о нём, тем более — о том, как свет падал на его скулы, когда он повернулся вполоборота. Не должна. И всё же я вспоминала.

— Олег Викторович, — сказала я, откладывая вилку. — Скажите, а вы не боитесь, что такая женщина, как я, заскучает дома? Что я начну искать развлечений на стороне?

Он поперхнулся вином.

— Простите?

— Я просто пытаюсь понять, — я наклонила голову, изображая невинность. — Вы действительно думаете, что я соглашусь запереть себя в четырёх стенах после того, как управляла крипто-фондом? Вы правда верите, что женщина, которая проворачивает многомиллионные сделки, будет счастлива, выбирая цвет штор в детской?

Он побагровел. Кадык дёрнулся. Я попала в точку.

— Алина Маратовна, — он понизил голос. — Я не хотел Вас обидеть. Я просто…

— Нет-нет, — я подняла руку, останавливая его. — Вы меня не обидели. Вы меня просветили. Я Вам очень благодарна.

Тимур между тем продолжал болтать. Он рассказывал о своём новом «Феррари», о том, как он обыграл кого-то в поло, о своих планах купить яхту — «не слишком большую, метров сорок, чтобы можно было заходить в небольшие бухты». Я кивала, вставляла вежливые междометия и думала о том, что если он ещё раз назовёт меня «девушкой», я, возможно, запущу в него солонкой. Тяжёлой, стеклянной. Очевидно, это будет не лучшим дипломатическим ходом, но, боже мой, как же он меня раздражал.

— Кстати, — он вдруг наклонился вперёд и положил свою ладонь поверх моей, — я уже присмотрел нам дом. На Рублёвке, конечно. Шесть спален, бассейн, конюшня. Ты ведь любишь лошадей? Все девушки любят лошадей.

Я посмотрела на его руку, накрывавшую мою. Она была горячей и немного влажной. Мне стало неприятно — не физически, а глубже, на каком-то инстинктивном уровне. Как будто моё тело отторгало его прикосновение ещё до того, как мозг успевал сформулировать причину. Я попыталась высвободить пальцы, но он сжал их сильнее, и его улыбка стала шире. Он явно принимал моё сопротивление за кокетство.

— Тимур Рашидович, — начала я осторожно, — будьте любезны, отпустите мою руку.

— Да ладно тебе, — он подмигнул. — Мы же почти семья. Надо привыкать друг к другу.

Я уже собиралась сказать что-то резкое — что-то, что заставило бы его отдёрнуть руку, как от огня, но тут, словно по волшебству, над нашим столиком нависла тень.

— Алина?

Этот голос. Низкий, спокойный. Я подняла глаза, и сердце замерло. Андрей Шереметев стоял рядом с нашим столиком, и выражение его лица было таким, будто он только что обнаружил нечто глубоко его забавляющее. Он был в том же сером пальто, в котором я видела его в отеле, но теперь оно было расстёгнуто, и под ним виднелся идеально сидящий тёмно-синий костюм. Он смотрел не на меня — на руку Тимура, всё ещё сжимавшую мои пальцы. И в этом взгляде было что-то такое, от чего даже мой самоуверенный жених, очевидно, почувствовал себя неуютно, потому что он вдруг ослабил хватку.

— Андрей Константинович, — выдохнула я, надеюсь, что облегчение в моём голосе было не слишком заметным. — Какой приятный сюрприз.

— Я рад, что встретил Вас, — он кивнул, игнорируя моего спутника. — Нам нужно обсудить «Нейро-Линк». Я как раз искал повод поговорить.

— Эй, — Тимур подал голос, и в нём зазвенели обиженные нотки. — Вообще-то мы заняты. У нас свидание.

Шереметев медленно перевёл взгляд на него. Очень медленно.

— Вы, — произнёс он ледяным тоном. — Кажется, не совсем понимаете ситуацию. Алина Маратовна и я должны обсудить сделку стоимостью в несколько миллионов долларов. Ваше свидание может подождать.

— Но она моя невеста! Ну, почти.

— «Почти» — не считается. — Он даже не повысил голоса, но Тимур сдулся, как проколотый шарик. — А теперь, будьте любезны, отпустите руку дамы. У вас есть пять секунд.

Тимур отдёрнул ладонь так быстро, словно обжёгся. Я посмотрела на Шереметева, и в моей груди расцвело странное, незнакомое чувство. Благодарность? Восхищение? Или что-то более опасное? Он спас меня. И он сделал это не ради выгоды — очевидно, он ничего не выигрывал, вмешиваясь в мои личные дела.

Андрей повернулся ко мне.

— Простите за вторжение. Но я видел, как вы пытались освободить руку. И решил, что Вам нужна помощь.

— Благодарю, — сказала я, всё ещё пытаясь прийти в себя. — Хотя я могла бы справиться сама.

— Не сомневаюсь, — он чуть улыбнулся.

— Вы мой герой, — сказала я, и мой голос прозвучал мягче, чем я хотела.

— Я не герой, — он чуть усмехнулся, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти человеческое. — Просто терпеть не могу, когда женщине мешают обедать. Особенно когда её заставляют есть салат.

Он отодвинул стул, на котором только что сидел Тимур, и сел напротив меня.

— Я сидел через два столика от вас. И, признаюсь, ваш разговор был увлекательным. Особенно та часть, где он обещал Вам конюшню, потому что «все девушки любят лошадей».

Я не выдержала и рассмеялась. Андрей смотрел на меня с лёгкой улыбкой, и от его взгляда по моей спине пробегали мурашки.

— Он ужасен, — призналась я.

— Он кошмарен. И он не стоит Вашего времени. Давайте проясним: Вы заслуживаете гораздо большего.

— Например?

Он помолчал секунду, и в его глазах мелькнуло что-то, что я не успела расшифровать.

— Например, хорошего обеда. Что ж, заказывайте всё, что хотите. Я плачу. И пожалуйста, закажите стейк. А то мне будет неловко есть свой в одиночестве.

Я заказала стейк. Огромный, с кровью, с печёным картофелем и грибным соусом. И бокал красного вина. Андрей заказал то же самое и попросил принести всю бутылку. Когда вино принесли, он сам разлил его по бокалам — интересно.

— Итак, — сказала я, делая глоток, — давайте проясним одну вещь. То, что Вы меня спасли, не побудит меня уступить вам «Нейро-Линк».

— Я и не надеялся, — он покачал головой, и его глаза блеснули. — Я предпочитаю честную борьбу.

— Честную? — я приподняла бровь. — Вы подарили ему «Порш».

— А Вы подкупили любовницу.

— Я не подкупала. Я просто сделала ей подарок.

— Конечно-конечно, — он усмехнулся. — В любом случае, Вы достойный соперник, Алина Маратовна.

Я чуть не поперхнулась вином. «Достойный соперник». Он сказал это так, будто это был высший комплимент в его устах. И, возможно, так и было.

И мы сидели в этом роскошном ресторане, пили бордо, которое пахло вишней и дубом, ели стейки сочные, невероятные, тающие на языке, и разговаривали. О чём угодно, только не о делах. Он рассказывал о Лондоне, о том, как учился там, как ненавидел туманы и обожал библиотеки. Я рассказывала о Казани. Мы смеялись над тупыми смотринами, которые устраивали нам родители — у него, оказывается, тоже была целая галерея претенденток, одна другой краше и глупее. Мы спорили о кино, о книгах, о том, какой сыр лучше сочетается с бордо. И где-то между вторым бокалом и последним куском стейка я вдруг осознала, что не хочу, чтобы этот обед заканчивался.

— Знаете, — сказала я, откладывая нож. — Я растила «Нейро-Линк» три месяца. Я первая поверила в этот продукт. Я сама вела переговоры, сама убеждала Соколова. А Вы просто пришли и попытались купить всё готовое.

— Да, — он кивнул. — И я Вам благодарен. Отличная работа. И хороший ход с сотрудниками.

Улыбка сползла с лица, как я не пыталась ее удержать.

— Соколов после вашего разговора заявил, что не будет продавать компанию тому, кто уволит его команду. Он даже сначала говорить со мной не хотел.

— И что же Вы ему предложили? — я подалась вперёд, не в силах скрыть любопытство.

Андрей отпил вина, и его глаза снова блеснули тем самым холодным огоньком.

— То, от чего он не смог отказаться. Скажем так.

Я смотрела на него и понимала: этот человек — не просто финансист. Он — игрок. Настоящий. И он играет на том же поле, что и я.

Он был умён. Он был смешон — его сухие, саркастичные шутки попадали точно в цель. Он был галантен — подливал мне вино, не перебивал, слушал так, будто каждое моё слово имело значение. И он смотрел на меня. Так смотрел, что у меня перехватывало дыхание.

— О чём Вы думаете? — спросил он вдруг, и я поняла, что, наверное, слишком долго молчу.

— О том, — медленно произнесла я. — Что этот день получился совсем не таким, как я планировала.

— Каким же?

— Гораздо лучше.

Он чуть наклонил голову, и в его глазах блеснул хирый огонёк.

— Согласен, — сказал он. — Этот день определённо удался.

Глава 3. Победитель

Андрей

Мы с Алиной вышли из ресторана «Сахалин» в промозглый московский вечер. Она поёжилась — едва заметно, но я уловил это движение и машинально потянулся к пуговице своего пальто. Остановил себя. Не время, не место. Мы конкуренты. По факту — враги.

Я поднял руку, подзывая Богдана, и в этот момент увидел его. Белый «Бентли» у обочины. Ахметов стоял, привалившись к капоту, и его наглая улыбка поблекла, когда он заметил нас вместе. Он явно ждал её. И явно не ожидал, что она будет не одна.

— Алина! — Ахмедов шагнул вперёд. — Я тебя жду. Садись, я отвезу тебя в отель.

Я перехватил локоть Алины мягко, но уверенно. Она не сопротивлялась. Умница. Её кожа была тёплой даже сквозь рукав жакета, и я подавил желание задержать ладонь чуть дольше.

— Прошу прощения, Тимур Рашидович, — сказал я ровно. — Но Алина Маратовна поедет со мной. У нас ещё остались незаконченные дела.

— Какие дела? — он нахмурился.

Я повёл Алину к своему «Мерседесу». Богдан, уже стоявший у машины, открыл заднюю дверь. Я усадил Алину на сиденье, закрыл дверь и только потом позволил себе бросить взгляд на её незадачливого жениха.

Тот стоял, сжимая кулаки, но подойти не решался. Правильно. Со мной лучше не связываться.

— В аэропорт, — сказал я Богдану, садясь рядом с Алиной.

— В аэропорт? — она повернулась ко мне. — Я не собиралась улетать сегодня.

— Теперь собираетесь, — я достал телефон, набрал короткое сообщение своему пилоту. — Мой самолёт в Домодедово. Он доставит Вас в Казань. Ваши вещи привезут из отеля прямо к борту.

— О, какая забота, — она склонила голову набок, и в её глазах мелькнула та самая искорка, которую я видел в отеле. — Вы за всеми так ухаживаете, Андрей Константинович?

— Нет, — ответил я, не отводя взгляда. — Только за конкурентами. Которых я уважаю.

— Значит, всё ещё считаете меня конкурентом?

— Считаю. Но это не значит, что я позволю какому-то мальчишке портить Вам вечер. Он не уважает границы. Не люблю такое.

— Так зачем же меня спешно выпроваживать?

— Я подписал Соколова. «Нейро-Линк» мой. Вам больше нечего делать в Москве.

Она замолчала. Я видел, как в её глазах мелькнуло разочарование, но она быстро справилась с собой. Уголки губ дёрнулись, и через секунду на меня смотрела всё та же холодная, уверенная в себе женщина, которая переиграла меня сегодня утром.

— Поздравляю, — сказала она. — Это был хороший бой.

— Взаимно.

— Но война ещё не окончена.

— Я и не надеялся.

Мы ехали молча. Я смотрел в окно, но краем глаза наблюдал за ней. Как она поправляет волосы. Как её пальцы касаются подбородка. Как свет фар скользит по её лицу. Мне хотелось прикоснуться к ней. Протянуть руку и провести по щеке. Почувствовать, какая у неё кожа. Тёплая? Гладкая? Я запретил себе думать об этом.

До аэропорта мы почти не разговаривали. Но молчание было не неловким — оно было наполненным, как воздух перед грозой. Я чувствовал её присутствие рядом — запах её духов, едва уловимый, что-то восточное, мускусное. Смотрел на её руки, сложенные на коленях. Тон-

кие пальцы, аккуратный маникюр, никаких кричащих украшений. Она была красива. Не просто внешне — эта красота не бросалась в глаза, она проникала глубже, заставляла думать о ней спустя минуты и часы после того, как она уходила. Именно это заставило меня поехать в тот ресторан.

У трапа она обернулась и улыбнулась мне. Не знаю, зачем, но я сказал:

— Только не говорите, что правда выйдете за Ахметова.

— Да ни за что! Отец уважает мое мнение. Я сама решу, за кого мне выходить.

Я кивнул ей. Сухо. Сдержанно. Хотя внутри у меня всё сжималось от желания шагнуть вперёд, коснуться её руки, задержать хоть на минуту. Но я не шагнул. Просто стоял и смотрел, как она исчезает в салоне. Дверь закрылась. Трап отъехал.

Я развернулся и пошёл к машине. Богдан уже ждал.

— В офис.

— Так точно.

Передо мной лежал подписанный договор с Соколовым. Три миллиона долларов. Я заплатил ему больше, чем планировал, но оно того стоило. «Нейро-Линк» был моим. Я выиграл.

Но счастлив я не был.

В офисе я первым делом прошёл в туалетную комнату, запер дверь и плеснул в лицо ледяной водой. Упёрся ладонями в раковину и уставился в зеркало. Оттуда смотрел мужчина тридцати пяти лет — худощавый, бледный, с тёмными волосами, зачёсанными назад. Очки в тонкой золотой оправе сидели на носу чуть криво. Я поправил их, провёл ладонью по щетине. Бриться не стал — лень. Да и не перед кем красоваться. И всё же я стоял и думал о ней. О том, как она смеялась над моими шутками. Как хмурилась, когда я говорил о Голицыне. Как её глаза блеснули, когда она сказала: «Это ещё не конец». Красивая. Умная. Опасная. И я ничего не мог с этим поделать.

В кабинете меня уже ждал кофе. Верочка постаралась — она всегда знала, когда я прихожу, даже если я сам этого не планировал. Кофе был горячим, чёрным, без сахара, и приятно пах жареными зернами и шоколадом. Я сделал глоток и сел за стол. Телефон завибрировал. Сообщение от Миши.

«Ты спишь вообще? У тебя лицо вчера было как у статуи с острова Пасхи. Поешь».

«Я ем».

«Кофе не еда».

«Отвали».

«Мать зовёт в воскресенье на ужин. Не свали в офис».

«Посмотрим».

«Посмотрим на языке Шереметевых значит пошёл на хер, братишка. Ладно, будь мужиком, приходи».

Я хмыкнул и отложил телефон. Миша был единственным, кто ещё мог пробиться сквозь мою броню. Младший брат, балагур и, как ни странно, самый человечный из нас троих. Он не лез в тёмные дела, не участвовал в кровавых разборках, но умудрялся быть своим. Я завидовал ему.

Через час я уже сидел в кабинете аналитика. Тимур, окружённый экранами, напоминал паука в центре паутины. Он поднял голову и заморгал — его обычное приветствие.

— Я взломал их. Все офшоры Голицына. Кипр, Люксембург, даже этот дурацкий фонд в Лихтенштейне, который они открыли на имя покойного дяди. Это было сложно, но я справился.

— Показывай.

Он развернул экран. Схема была красивой, как карта звёздного неба. Трёхслойная структура, транзитные счета, конечный получатель. Я изучал её, пока Тимур не замолчал.

— Отлично. Теперь слушай задачу. Мы не блокируем счета. Мы вбрасываем дезинформацию. Слух о том, что Интерпол готовит ордер на арест активов. Пусть паникует. Пусть начнёт выводить деньги.

— И куда он их выведет?

— На счета-ловушки. Четыре счета в трёх банках, все подставные, все связанные с нами. Твоя задача — сделать так, чтобы эти счета выглядели как единственное безопасное убежище.

— А когда он переведёт всё до копейки?

— Заморозим. Не сразу. Пусть думает, что спасся. А потом — хлоп.

Тимур восхищённо покачал головой.

— Это жёстко.

— Это бизнес.

Он кивнул, погружаясь в свои матрицы. Я оставил его и прошёл в кабинет. Не успел зайти в дверь, как позвонил отец.

— Зайди.

Кабинет Константина Игоревича Шереметева находился этажом выше. Дубовые панели, золочёные светильники, портрет деда в казачьем башлыке. Пахло табаком и коньяком — запах въелся в стены и мебель за десятилетия.

Он сидел за массивным столом, коренастый, с широкими плечами и румяным лицом, на котором выделялись усы щёточкой. Глаза — маленькие, хитрые, цепкие. Он был человеком старой формации: импульсивным, горячим, но с гениальным чутьём на деньги.

Младшая Машка уже сидела за столом — прямая, как струна, со сложенными на коленях руками. Русые волосы заплетены в тугую косу, огромные серые глаза, бледная кожа. Красавица. Какая же она маленькая ещё. По факту, я сразу понял: ничего хорошего нам не скажут.

— Садись. Как там Голицын?

— Уже не жилец. Тимур вскрыл его офшоры. Через неделю будет умолять о пощаде.

— Умолять? — отец хмыкнул. — Слабо. Я хочу, чтобы он сдох.

— Я этого хочу еще больше. Но всему своё время. Сначала деньги. Потом — он сам.

Он кивнул, закурил сигару. Плевал на запреты врачей.

— Есть ещё дело. Маша.

Я напрягся.

Отец стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на город.

— Слушайте оба, — начал он без предисловий. — У нас проблема. Полковник ФСБ Арсений Карпов копает под банк. У него есть связи, есть улики, есть мотив — он меня ненавидит уже тридцать лет. Если мы не остановим его сейчас, через полгода все будем сидеть. Либо на нарах, либо в могиле.

Маша чуть вздрогнула, но промолчала. Я сжал челюсти и продолжил слушать. Отец повернулся к дочери, и его голос стал мягче — настолько, насколько это вообще было возможно для Константина Шереметева.

— У него есть сын. Митя. Студент юрфака МГУ, идеалист, отличник, уже стажируется в прокуратуре у папочки. Он верит в справедливость, в закон, в то, что мир можно изменить к лучшему. — Отец сделал паузу. — Ты познакомишься с ним, Мария. Влюбишь в себя. Создашь эмоциональную зависимость. Когда он будет готов ради тебя на всё, его отец не посмеет нас тронуть.

Маша молчала. Только пальцы чуть сильнее сжали край юбки. Я смотрел на неё и видел, как она переваривает услышанное. Она была умна — она сразу всё поняла. И всё равно не спорила. Потому что не умела спорить с отцом. Никто из нас на самом деле не умел.

— Ты справишься, — сказал отец, и это был не вопрос, не просьба — приказ. — Я в тебя верю. А теперь иди, мне нужно поговорить с Андреем.

Она встала, кивнула и вышла. Её каблуки простучали по коридору и затихли. Я проводил её взглядом и повернулся к отцу.

— Объясни, — сказал я, и мой голос прозвучал ровно, но внутри уже закипала ярость.

— Что объяснять? Ты всё слышал.

— Зачем ты впутываешь её? Маша — не боец. Она ребёнок. Она не готова к таким играм.

— Она готова, — отрезал он. — Она выросла в этом мире. Она знает правила лучше тебя. И она — мой ресурс, как и ты, как и Миша. Я использую то, что у меня есть, чтобы защитить семью.

— Ресурс, — повторил я, и это слово прозвучало горько. — Ты говоришь о своей дочери как об активе.

Отец хлопнул ладонью по столу, и его глаза вспыхнули.

— А ты думаешь, мне это нравится? Ты думаешь, я не понимаю, чем рискую? Но если Карпов доведёт дело до суда, у нас не будет ни активов, ни семьи, ни будущего! Всё, что я строил тридцать лет, пойдёт прахом. И Маша, и ты, и Миша — все вы окажетесь на улице. Или за решёткой. Так что да, я использую её.

Я смотрел на него. Коренастый, раскрасневшийся, злой, он выглядел как человек, который привык побеждать. Но сейчас в его глазах я видел не триумф. Видел страх. Настоящий, глубокий страх за семью. И от этого было ещё тяжелее.

— Хорошо, — сказал я, наконец. — Я присмотрю. Но если с ней что-то случится, я приду к тебе. И разговор будет другим.

Я сжал зубы. Спорить — как с танком. Кивнул.

— Хорошо. Я присмотрю. Но если с ней что-то случится...

— Ничего не случится. Карпов-младший — идеалист, мухи не обидит. Машка умная. Справится.

Я встал, одёрнул пиджак.

— Это всё?

— Пока всё. — Он вдруг посмотрел почти по-человечески. — Ты хороший старший брат, Андрей. Но иногда мне кажется, что ты забыл, кто ты. Мы — Шереметевы. Не ноем, не рефлексируем, не сомневаемся. Мы делаем. Понял?

— Понял.

Вернувшись в кабинет, я сел за стол и уставился в одну точку. Мысли путались. Маша, Карпов, Голицын — всё смешалось в один тугой узел, который я должен был распутать. И где-то на периферии сознания, как назойливая муха, жужжала мысль об Алине. О том, как она улыбнулась мне в ресторане. Как сказала: «Это ещё не конец».

Я достал из ворота рубашки цепочку. На ней висело кольцо. Простое платиновое кольцо с крошечным бриллиантом, которое Настя выбрала сама. Я сжал его в кулаке, почувствовал холод металла и сунул обратно. Я всё ещё ношу его, выкинуть — кишка тонка. Ну, хватит. Чувства — для слабаков. Я не слабак. Я Шереметев. Я справлюсь.

Телефон пиликнул. Тимур сообщал, что счета-ловушки готовы, и он ждёт команды. Я ответил коротко: «Завтра в девять». Потом открыл следующий файл. Работа началась.

Вышел. В коридоре прижался лбом к прохладной стене. Сделал глубокий вдох. Делаем. Ладно.

Вечером офис опустел. Тимур уполз в свою нору, Верочка ушла, сунув мне в кабинет сэндвич. Я сидел и смотрел на закат над Москвой. Город горел огнями. Красиво. Но пусто.

На столе — отчёт по Голицыну и фото Насти. Я взял снимок. Она смеялась. Тот смех, от которого у меня когда-то сердце сжималось. Мы должны были пожениться. Она должна

была быть здесь. Голицын убил её. Не сам — чужими руками. Приказал. Заплатил. Подписал приговор.

Я убрал фото в ящик. Хватит. Чувства — для слабаков. Я не слабак. Я Шереметев.

Телефон пиликнул. Тимур.

«Счета-ловушки готовы. Выглядят так правдоподобно, что я бы сам купился. Жду команды».

«Завтра в девять. Начинаем».

Я отложил телефон. Где-то там, внизу, сидел человек, который думал, что он в безопасности. Что его офшоры надёжны, связи неразрывны, власть незыблема. Он ошибался.

Я поправил очки и открыл следующий файл.

Глава 4. Подготовка к роли

Мария

Утро после разговора с отцом я встретила без сна. Всю ночь ворочалась, прокручивая в голове его слова, и к рассвету чувствовала себя так, будто меня переехал грузовик. Глаза опухли, в горле першило, а на душе было гадко, как после предательства. Хотя какое предательство? Мне просто приказали сделать то, что в нашем мире называется «долгом перед семьёй». И я согласилась. Потому что я Шереметева. Потому что меня с детства учили, что мои желания ничего не значат. Потому что бунт — это роскошь, которую я не могу себе позволить.

Но где-то глубоко внутри, под слоями послушания, зрела злость. Тихая, почти незаметная, как тлеющий уголёк. Я не давала ей разгореться — боялась, что если дам волю, то натворю глупостей. Но пока — я просто лежала, смотрела в потолок и ждала утра.

Когда будильник зазвонил, я встала, умылась ледяной водой и подошла к зеркалу. Бледная, с красными глазами. Ну и видок, такой только детей пугать. Ладно, у меня есть время привести себя в порядок.

После завтрака я заперлась в комнате и открыла ноутбук. Пора приниматься за работу. Если уж играть роль, то профессионально. В этом я была на сто процентов Шереметевой.

Первым делом — досье. Митя Карпов, студент юрфака МГУ. Отличник, активист, подрабатывает репетитором. Играет в шахматы. Вредных привычек нет. Окрыла профиль в вк. Фотографий мало, даже отметок. Митя на лекции, Митя с друзьями в кафе. У него была открытая, искренняя улыбка. От которой у меня внутри всё сжималось. Я уже чувствовала себя виноватой, а мы ещё даже не встретились. Вот фото с девушками не было. Ни одной. Кто сейчас не выставляет всю жизнь в соцсети? Ну, кроме меня, конечно.

Теперь — легенда. Я не могла быть Марией Шереметевой. Я порылась в архивах и нашла девичью фамилию бабушки — Молчанова. Стану Марией Молчановой, студенткой-искусствоведом из Ставрополя. Родители — скромные интеллигенты. Никаких связей с криминалом. Я даже придумала детали: любимый писатель Тургенев, хобби — живопись, мечта — открыть галерею. Скучно и до жути правдоподобно.

Оставалась одежда. Я открыла шкаф и критически осмотрела его. Дорогие шмотки, брендовые сумки. Всё это кричало о деньгах. Для Марии Молчановой не годилось. Мне нужно было что-то простое, студенческое.

Вызвала машину и поехала в торговый центр на окраине Москвы. Огромный, шумный, с эскалаторами и фудкортом.

Я решила не просить горничную. Хватит с меня секретов. Поеду сама.

Машина остановилась у огромного торгового центра на окраине. Я вышла и на мгновение замерла. В бутиках, куда меня водила мать, было иначе: там пахло дорогим парфюмом, тебе предлагали шампанское, а консультант скользил рядом, как тень, предугадывая желания. Здесь же — стеклянные двери, за которыми гудела толпа. Никакого шампанского. Никаких консультантов. Я шагнула внутрь, и меня сразу оглушило: музыка из колонок, детский плач, объявления по громкой связи, писк касс. Всё смешалось в один сплошной гул, и я на секунду растерялась. Куда идти? Что делать?

Я пошла по первому этажу, разглядывая витрины. На манекенах висели вещи, которые выглядели… обычно. Никаких изысканных тканей, никаких сложных фасонов. Просто джинсы. Просто свитера. Просто футболки. Я зашла в один из магазинов и сразу заметила разницу: вещи здесь не висели на плечиках в идеальном порядке, а были сложены стопками на полках, и чтобы найти свой размер, нужно было рыться. Я неловко копалась в куче джинсов, пока не выудила подходящую пару. Ткань была грубой, не то что мягкий итальянский деним,

к которому я привыкла. Но это именно то, что нужно. Ничего яркого. Ничего обтягивающего. Одежда, в которой я стану невидимкой.

Я взяла несколько худи, пару футболок и отправилась в примерочную. Кабинка была тесной, а шторка не до конца задёргивалась. Я переоделась и посмотрела на себя в зеркало. Джинсы висели мешком. Худи с капюшоном популярный оверсайз скрывал всё, что можно было скрыть. Я собрала волосы в хвост и критически оглядела результат. Из зеркала глядела серая мышь. Но весьма симпатичная мышка. Идеально.

Я заплатила наличными, сложила покупки в бумажный пакет и вышла. В машине ещё раз оглядела себя в зеркало заднего вида. Да. Сойдёт.

Дома сразу поднялась в комнаты Андрея. Он сидел за столом, просматривая какие-то бумаги. Когда я вошла, он поднял голову, снял очки и потёр переносицу.

— Ну, — сказала я, разводя руками и крутясь вокруг своей оси. — Что думаешь?

Он оглядел меня с ног до головы. Молча. Потом встал, подошёл ближе и поправил ворот моего свитера.

— Сойдёт. Ты похожа на студентку.

— Это комплимент?

— Констатация факта.

Я помялась у стола.

— Что ещё?

— Андрей… — я запнулась. — Ты же тоже был студентом, тебе тоже было двадцать три

— И что?

— Что хотят парни?

Уголки его губ дрогнули.

— Чего хотят молодые парни? — переспросил он. — По факту, в основном секса.

Я вспыхнула и почувствовала, как краска заливает щёки.

— Андрей!

— А что? Ты спросила — я ответил. По факту.

— Ну, этого я не могу ему этого дать, — пробормотала я, отводя глаза. — Ты же знаешь.

— Знаю, — он перестал улыбаться. — Поэтому дам тебе другой совет. Будь собой, Маш.

— Что?

— Ты умная и красивая. Ты обаятельна, когда не пытаешься изображать из себя невесть что. Ты можешь поддержать разговор о живописи, о книгах, да о чём угодно. Если этот парень не оценит тебя настоящую — он дурак. А если оценит — тебе не придётся притворяться.

Я смотрела на него и не могла поверить. Андрей, сухарь, который видел во всём цифры, говорил мне, что я красива и умна. Не про то, что я актив. Не смотрел на меня, как на пешку. Он видел во мне человека.

— Ты правда так считаешь? — тихо спросила я.

— Я не говорю того, чего не считаю. По факту.

— Спасибо.

— Не за что. — Он вернулся к документам. — Иди и сделай так, чтобы нас всех не посадили. И помни: если он тебя обидит — я его убью.

Я кивнула и вышла. Но на душе стало теплее. Андрей не считал меня пешкой. Он видел во мне человека. И это, пожалуй, было лучшим, что я слышала за последние дни.

Глава 5. Библиотека МГУ

Мария

Ровно в три я переступила порог читального зала на третьем этаже, где, согласно расписанию, Митя Карпов проводил каждый вторник с двух до пяти. Запах старых книг, пыли и воска для паркета ударил в ноздри, смешиваясь с едва уловимым ароматом чьего-то дешёвого кофе, который здесь пить запрещалось, но все пили. Я замерла на секунду, прижимая к груди учебник по римскому праву, такой же потрёпанный, как и все мои сегодняшние аксессуары, и огляделась.

Огромные окна выходили во внутренний двор, и сквозь них лился бледный октябрьский свет. Высокие стеллажи уходили к потолку, и на их фоне столы с зелёными лампами казались крошечными островками в море книг. Студентов было немного: кто-то усердно строчил в ноутбуке, кто-то спал, уронив голову на раскрытый том. Идеальное место для случайной встречи.

Я нацепила на лицо самое безобидное выражение, какое только могла изобразить. Рассеянная провинциалка, которая заблудилась в столичном университете. Волосы я сегодня не стала заплетать в косу, а собрала в хвост. Мешковатое худи, джинсы, потертые кеды. Никакой косметики. Я выглядела так, будто меня только что вытащили из архива после трёх суток без сна. Идеально.

Митю я заметила сразу. Он сидел за дальним столом, спиной ко мне, склонившись над толстой книгой. Его светлые волосы были чуть растрёпаны, на носу сидели очки. Он что-то сосредоточенно записывал в тетрадь, время от времени почёсывая затылок ручкой. Я видела, как его плечи чуть шевелятся в такт мыслям. Обычный парень.

Сердце забилось быстрее. Я сделала глубокий вдох и двинулась в его сторону. По пути нарочно задела локтем стопку книг на одном из столов, и они с глухим стуком рассыпались по полу. Несколько голов поднялись, раздался смешок, и я, краснея, бросилась их подбирать. Этот спектакль был нужен, чтобы он меня заметил. И он заметил. Когда я, наконец, выпрямилась, прижимая к груди спасённые фолианты, Митя уже смотрел на меня из-за своего стола. Его глаза за очками были голубыми и удивлёнными.

Я выдавила смущённую улыбку и двинулась дальше. Проходя мимо его стола, я снова споткнулась — на этот раз о ножку стула, — и мой учебник с грохотом приземлился прямо у его ног.

— Ой! — вырвалось у меня. Я наклонилась поднять, но он уже опередил.

— Позвольте, — сказал он, протягивая мне книгу. Его голос был мягким и тёплым, совсем не таким, как я ожидала от будущего прокурора.

— Спасибо, — пробормотала я, стараясь не встречаться с ним взглядом. — Я такая неуклюжая. Извините, что побеспокоила.

— Ничего страшного, — он чуть улыбнулся, и в его улыбке не было ни капли насмешки. — Вы на право?

— Что? — я растерянно моргнула.

— Учебник, — он кивнул на книгу в моих руках. — Римское частное право. Вы юрист?

— А, да. То есть нет. Я искусствовед. Но нам нужно сдать курс по основам права, и... — я тяжело вздохнула, изображая полную безнадёжность. — Я ничего не понимаю в этих институциях.

Митя бросил взгляд на мою книгу, потом на меня, и в его глазах мелькнул интерес.

— Институции Гая? Вы серьёзно? Это же классика. Очень увлекательно, если разобраться.

— Увлекательно? — я недоверчиво приподняла бровь. — По-моему, это написано на языке, который умер две тысячи лет назад.

— Ну, он не умер, — Митя чуть смутился, поправил очки. — Он просто эволюционировал. Если хотите, я могу помочь. Я на юридическом. Меня, кстати, Дмитрий зовут. Можно просто Митя.

Я на мгновение замерла, будто в нерешительности, хотя внутри всё ликовало. Клюнул. Сам предложил. Именно так, как я и планировала.

— Мария, — сказала я тихо и чуть поклонилась, по-провинциальному. — Маша. Можно Маша. Очень приятно.

— Взаимно, Маша, — он отодвинул стул рядом с собой. — Присаживайтесь, если хотите. У меня как раз окно до пяти.

Я села, стараясь двигаться неуклюже, и положила учебник на стол. Мои пальцы слегка дрожали — и это не было игрой. Я действительно волновалась. Только не из-за римского права.

— Спасибо, Митя. Вы меня спасаете. Я уже три дня бьюсь над этим параграфом, и такое ощущение, что Гай специально писал так, чтобы никто не понял.

Он засмеялся негромко, но искренне.

— На самом деле у Гая очень логичная структура. Просто нужно привыкнуть к его языку. Вот, смотрите. — Он придвинул ко мне раскрытую книгу. — В первой книге он говорит о лицах, во второй — о вещах, в третьей — об обязательствах. Это как три кита, на которых стоит всё частное право. Если понять эту схему, дальше всё становится на свои места.

Я слушала его, кивая, и вдруг почувствовала, что мне действительно интересно. Не из-за права — из-за него. Он рассказывал с таким воодушевлением, с такой страстью, что я на мгновение забыла, зачем я здесь. Он любил то, что изучал. И это было здорово.

— А вот здесь, — продолжал он, указывая на абзац, — Гай пишет о сервитутах. Знаете, что это такое?

— Право пользования чужой вещью, — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

Митя замер и уставился на меня.

— Вы знаете?

Я мысленно обругала себя последними словами. Идиотка. Расслабилась. Но отступать уже некуда.

— Ну, — я смущённо улыбнулась , — мне повезло. У нас в Ставрополе был очень хороший преподаватель. Он так увлекательно преподавал обществознание, что я запомнила кое-что. Но это всё поверхностно, честное слово.

— Поверхностно? — Митя недоверчиво покачал головой. — Вы только что процитировали определение сервитута почти дословно. Это не поверхностно. Это впечатляет.

— Ну, может, я просто начиталась перед экзаменом, — я пожала плечами, стараясь выглядеть как можно более невинно. — У меня хорошая память на тексты. Но я всё равно ничего не понимаю в этих юридических тонкостях.

— А хотите разобраться? — Он смотрел на меня с таким искренним желанием помочь, что у меня внутри что-то перевернулось. — Я мог бы позаниматься с Вами. Ну, если Вам нужно. Бесплатно, конечно, — он смутился и поправил очки. — То есть я хотел сказать, что мне самому интересно. Редко встречаешь человека, который хоть что-то знает о римском праве, да ещё и цитирует Гая.

— Правда? — я захлопала ресницами. — Вы бы мне очень помогли, Митя. А то я чувствую себя полной дурой на этих лекциях.

— Вы не дура, — сказал он серьёзно. — Вы просто не в своей тарелке. Но это поправимо. Если хотите, можем встретиться здесь же в четверг. Я как раз разбираю тему об обязательствах.

Я согласилась, и мы обменялись номерами телефонов. Его пальцы, когда он вбивал мой номер, слегка дрожали — или мне показалось? Я записала его контакт как «Митя право», и моё сердце пропустило удар. Всё шло по плану. И от этого было тошно.

Потом мы ещё немного поболтали о пустяках: о погоде, о Москве, о том, как трудно привыкнуть к столичному ритму. Он рассказал, что его отец — военный (я сделала вид, что впечатлена), а мать — учительница, но умерла очень давно. Я рассказала свою легенду: Ставрополь, родители-интеллигенты, мечта о галерее. Врать было легко. Слишком легко.

Когда я наконец попрощалась и вышла из библиотеки, на улице уже смеркалось. Я остановилась на ступеньках, глубоко вдохнула холодный октябрьский воздух и вдруг почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Он был именно таким, как на фотографиях. Добрым. Искренним. Настоящим. И я уже начала его обманывать.

Искра бунта, которая тлела во мне, вдруг вспыхнула ярче. Я не знала, что буду делать дальше. Но я знала одно: я больше не хочу быть пешкой в игре отца. И, возможно, этот парень, сам того не зная, даст мне шанс вырваться. Только как? И какой ценой?

А потом я вспомнила, что в четверг мы встретимся снова. И моё сердце, предательское глупое сердце забилось быстрее. От предвкушения. И это был первый шаг к катастрофе. Или к свободе. Я ещё не знала.

Утро началось с того, что я опрокинула чашку с чаем на скатерть, и Марья Степановна, наша домработница с повадками отставного сержанта, укоризненно покачала головой. Я извинилась, промокнула лужу салфеткой и постаралась сделать вид, что мои руки не дрожат. Сегодня была суббота, и у меня была запланирована экскурсия в Третьяковскую галерею. С Митей. И я понятия не имела, как себя вести после того, что случилось в библиотеке.

Нет, ничего особенного не случилось. Мы просто уже пару недель сидели рядом, изучали Гая, и он смотрел на меня так, будто я была самой удивительной девушкой на свете. Он говорил комплименты. И это было так просто, так искренне, что у меня до сих пор щемило в груди при воспоминаний. Я не привыкла к искренности. В нашем доме каждое слово было просчитано, каждый жест отрепетирован. А этот парень, сын нашего врага, оказался честнее всех, кого я знала.

Я надела джинсы, свитер. Волосы решила заплести в косу. Перед выходом я заглянула в кабинет старшего брата. Он, как всегда, сидел за столом, уткнувшись в монитор. Андрей был единственным человеком, с которым я могла поговорить откровенно, не считая Мишки. Но младший был слишком эмоционален, а Андрей — холоден и расчётлив. Иногда мне нужна была именно его холодность.

— Можно?

Он поднял голову и кивнул на стул. Я вошла и села. Он снял очки и протёр их.

— У меня сегодня свидание, — сказала я без предисловий. — Ну, то есть не свидание. Встреча. С Митей. Мы идём в Третьяковку.

— Ты молодец, что выбрала галерею. Это твоя территория. Ты там как рыба в воде.

— Это папина территория, — поправила я. — Он главный меценат. Третьяковка — часть его имиджа.

— Это территория семьи, — Андрей надел очки и посмотрел на меня своим фирменным взглядом, от которого у подчинённых дрожали колени. — А ты — часть семьи. Так что не принижай себя. Ты знаешь об искусстве больше, чем любой экскурсовод. Используй это.

— А что, если я перенервничаю и всё испорчу? — спросила я, и мой голос дрогнул.

— Ты не испортишь, — он чуть усмехнулся. — Ты Шереметева.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда, — он помолчал. — Но если тебе станет легче — просто будь собой.

Я моргнула.

— Собой? Андрей, я сейчас играю роль. Я не могу быть собой. Я — Мария Молчанова, провинциальная студентка.

— Мария Молчанова — это часть тебя, — сказал он. — Ты действительно любишь искусство. Ты действительно умна. Ты действительно умеешь слушать. Не придумывай лишнего. Просто будь той Марией, которую ты показываешь миру. Когда женщина говорит о том, что любит, она становится неотразимой.

— Откуда ты знаешь? — я прищурилась. — Когда ты последний раз ходил на свидание?

Он снова снял очки и протёр их. На этот раз медленнее.

— Не важно.

— Андрей!

— Ладно, — он вздохнул. — Есть одна женщина. И да, она умна, и да, она иногда меня подавляет. И да, мне это нравится. Теперь ты довольна?

Я уставилась на него. Андрей, мой ледяной брат, который после смерти Насти не смотрел ни на одну женщину, признался, что ему кто-то нравится. Это было сродни чуду.

— Ты мне потом расскажешь подробности? — спросила я.

— Нет, — он чуть улыбнулся. — Иди на своё свидание.

— Это не свидание!

— Иди уже!

Я встала и поцеловала его в щёку.

Митя уже ждал у входа в Третьяковку. Он стоял, прислонившись к колонне, в своём обычном клетчатом шарфе и куртке, залипал в телефоне. Увидев меня, он улыбнулся и помахал рукой. Моё сердце пропустило удар. Блин.

— Привет! — сказал он, подходя. — Ты сегодня ещё более... — он запнулся, подбирая слово. — Загадочная, что ли.

— Загадочная? — я удивлённо моргнула. — Это потому, что я не спотыкаюсь?

— Нет, — он засмеялся. — Просто у тебя взгляд другой. Более уверенный. Или мне кажется?

— Это потому, что я на своей территории, — сказала я и тут же прикусила язык. Чёрт, я только что повторила слова Андрея.

— Территория? — он оглянулся на здание галереи. — Ты здесь часто бываешь?

— С детства, — я чуть улыбнулась. — Моя... моя бабушка водила меня сюда, когда мы приехали однажды. Она говорила, что Третьяковка — это сердце русского искусства. И что каждый, кто хочет понять русскую душу, должен прийти сюда.

— Красиво сказано, — Митя посмотрел на меня с интересом. — Твоя бабушка была искусствоведом?

— Нет. Просто очень мудрой женщиной.

Мы вошли. Внутри было тепло и тихо, пахло воском и старым деревом. Народу было немного — субботнее утро, не сезон, и это было идеально. Я взяла его за руку, почти не задумываясь, и потянула в сторону залов Врубеля.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказала я.

— Я весь во внимании.

Мы прошли мимо нескольких залов, и я на ходу рассказывала ему о художниках. О Репине, о Сурикове, о том, как они спорили о судьбе искусства. Митя слушал, задавал вопросы, и я чувствовала, как внутри разгорается азарт. Здесь, в этих стенах, я действительно была как рыба в воде. Я знала каждую картину, каждую историю. И я любила это. Искренне, без притворства.

Мы остановились у «Демона поверженного». Огромное полотно занимало почти всю стену, и Митя замер перед ним, не в силах отвести взгляд.

— Это Врубель, — сказала я тихо. — «Демон поверженный». Он писал его, когда уже почти ослеп. Представляешь? Человек, который теряет зрение, создаёт такое. Он знал, что умирает, и всё равно продолжал.

Митя молчал. Потом повернулся ко мне, и я увидела, что он смотрит не на картину. На меня.

— Ты так говоришь о красоте, будто сама её боишься, — сказал он негромко.

Я замерла. Эти слова ударили меня сильнее, чем любое признание. Я открыла рот, чтобы ответить, но не смогла. Потому что он был прав. Я боялась красоты. Боялась её хрупкости, её уязвимости. Боялась того, что, если позволю себе быть красивой, меня сломают.

— Почему ты так думаешь? — прошептала я.

— Потому что ты прячешься, — он шагнул ближе. — В этой мешковатой одежде. Ты как будто пытаешься стать невидимой. Но у тебя не получается.

— Не получается? — мой голос дрогнул.

— Не-а, я тебя вижу, — он провёл пальцем по моей щеке, убирая выбившуюся прядь. — Настоящую.

И поцеловал меня. Он наклонился так быстро, что я не успела даже среагировать. Это было не так, как я представляла. Я думала, что поцелуй — это всегда натиск, требование, борьба. Но Митя целовал меня так, будто спрашивал разрешения. Его губы были мягкими и тёплыми, и он не спешил, просто прижался к моим, давая мне время решить. Я замерла на долю секунды, ведь это был мой первый поцелуй в жизни. И мне отчаянно захотелось ему ответить. Поэтому я подалась ближе и раскрыла губы.

Его руки легли на мою талию, и я почувствовала, как подкашиваются колени. Это было так странно, так ново. Я забыла, где мы. Забыла, кто я. Забыла о задании, об отце, о Карпове. Был только он — его запах, его тепло, его губы на моих.

— Кхе-кхе, — раздалось рядом.

Мы резко отпрянули друг от друга. Рядом стояла пожилая смотрительница с возмущённым лицом.

— Молодые люди, здесь музей, а не ЗАГС. Ведите себя прилично.

Я почувствовала, как краска заливает щёки. Митя посмотрел на меня, потом на смотрительницу, и вдруг расхохотался. Я не выдержала и тоже засмеялась. Мы смеялись, как дураки, пока смотрительница не погрозила нам пальцем и не ушла, бормоча что-то про «нынешнюю молодёжь».

— Бежим отсюда, — прошептал Митя, хватая меня за руку.

— Бежим!

Мы выскочили из зала, пробежали мимо ещё одного возмущённого охранника и вылетели на улицу. Осенний воздух обжёг лицо холодом, и я глубоко вдохнула, всё ещё смеясь. Митя остановился, переводя дух, и посмотрел на меня.

— Это было... — начал он.

— Безумно? — подсказала я.

— Чудесно, — он улыбнулся. — Ты чудесная, Маша.

— Я просто...

Он не дал мне договорить. Снова поцеловал, но на этот раз иначе. Глубже, трепетнее, без той осторожной нежности, что была в музее. Его руки обхватили моё лицо, пальцы зарылись в волосы. Я попыталась ответить, повторяя его движения языка, и мой мир сузился до этого мгновения. Мы стояли на ступенях Третьяковки, под серым октябрьским небом, и целовались так, будто завтра не наступит.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, я тяжело дышала. Его глаза сияли, губы растянулись в улыбке. Вот и всё. Я пропала. Зачем отец дал мне это задание? Я же маленькая, неопытная. Эта грязная игра прямо сейчас превращается во что-то настоящее. Что делать? Стало как-то совсем паршиво. Ведь я поняла, что мне будет очень, очень больно, когда всё закончится. Но сейчас, под этим серым небом, я позволила себе просто быть счастливой. Хотя бы на мгновение. И сама потянулась к его губам.

Глава 6. Смотрины

Миттельшпиль — середина партии, когда фигуры уже развиты и начинается активная борьба. Здесь проверяется истинная сила игрока, и здесь же часто решается судьба всей партии.

Алина

Я стояла у окна своей спальни в родовом особняке Золотарёвых и смотрела, как солнце поднимается над куполами мечети Кул-Шариф и православного собора, стоящих почти рядом — как символ нашего города, где Восток и Запад перемешаны так же причудливо, как кровь в моих жилах. Татарская кровь от матери, русская — от отца. Выносливость степняков и хватка купцов. Идеальный коктейль для наследницы криптоимперии.

Утро встретило меня колокольным звоном и запахом свежей выпечки из пекарни на соседней улице — тёплым, ванильным, таким родным. Всё было как всегда за исключением того, что внутри что-то скручивалось в тугой, горячий узел, и я не могла понять, что это. Нервозность? Глупо. Я не нервничаю. Я Алина Золотарёва, и я хладнокровна, как змея, всегда была такой и гордилась этим. Но сегодня, за час до его появления, моё тело предавало меня: сердце билось быстрее, ладони потели, и я ловила себя на том, что снова и снова прокручиваю в голове нашу последнюю встречу в Москве — как он вошёл в отель, как посмотрел на меня, как спас от того ужасного мальчишки.

Я одёрнула себя. Эмоции — для слабаков. Эмоции хороши с теми, с кем не строишь серьёзный союз. С любовниками, с мимолётными увлечениями, с теми, кто не имеет значения. Но не с будущим мужем. Муж — это партнёр. Деловой союз. С ним нужно быть на равных, а не таять, как девчонка от первого поцелуя. Я не таяла ни разу в жизни, и начинать не собиралась. И всё же что-то во мне сдвинулось, что-то неуловимое, что я не могла контролировать, как ни пыталась. Предчувствие? Возможно. Или просто память о том, как его серо-голубые глаза задержались на моём лице чуть дольше положенного, когда мы прощались у трапа.

Сегодня приезжал Андрей Шереметев. Финансовый гений со стальным сердцем и репутацией человека, который просчитывает всё на десять ходов вперёд. Я изучила его досье вдоль и поперёк ещё до нашей первой встречи, а после Москвы перечитала с особым, почти болезненным вниманием. Тридцать пять лет, старший сын Константина Шереметева, окончил Лондонскую школу экономики с отличием, управляет банком «Шереметьев-Капитал». Жена погибла пять лет назад — автокатастрофа, в которой, по слухам, был замешан кто-то из конкурентов. С тех пор о нём не слышали ни одной романтической истории. Холодный вдовец. Ледяной стратег. Идеальный муж. Нет, я не иронизирую. Я действительно так считала. Мне не нужны были страстные признания, цветы, серенады под окном. Мне нужен был партнёр. Равный. Тот, кто не будет воспринимать меня как красивую куклу для продолжения рода, а увидит во мне союзника. Андрей Шереметев, судя по всему, был именно таким. И то, что он уже пытался переиграть меня в бизнесе, только добавляло ему очков. Он был достойным соперником. А я уважала достойных.

— Алина Маратовна, — в дверь постучала горничная, и я вздрогнула, хотя ждала этого стука. — Ваш отец просит спуститься. Гости скоро будут.

— Скажи, что я сейчас, — ответила я, не оборачиваясь, и услышала, как зашуршало платье удаляющейся девушки.

Я подошла к гардеробной и распахнула дверцы. Передо мной висели ряды нарядов — от кутюр, от лучших модельеров, каждый был частью моего арсенала. Мать всегда говорила: «Одежда — это оружие. Выбирай с умом». И сегодня мне нужно было особенное оружие — такое, что сразит наповал.

Я выбрала платье глубокого королевского синего — длинное, до щиколоток, с открытой спиной. Спереди — строгий высокий ворот, а сзади — вызов. Надела жемчужные серьги в три нити — фамильную драгоценность, доставшуюся от бабушки, и собрала волосы в низкий узел, открывая шею. Никакого яркого макияжа — только нюдовая помада и лёгкий акцент на глаза. Посмотрела в зеркало и осталась довольна. Оттуда смотрела молодая женщина, которая знает себе цену, и ни один мускул на её лице не выдавал того, что творилось внутри.

— Ну что, Золотарёва, — сказала я своему отражению, и в моём голосе прозвучала сталь. — Покажи этому москвичу, что такое настоящая казанская княжна.

Я спустилась в гостиную ровно за пятнадцать минут до назначенного времени. Отец, Марат Рустамович, уже сидел в своём любимом кресле у камина — высокий, седовласый, с острыми скулами и проницательными тёмными глазами. При виде меня он чуть приподнял бровь.

— Ты выглядишь как императрица, — заметил он. — Думаешь он нам подойдет?

— Узнаем, — я села напротив, тщательно расправив юбку. — Если нет — он узнает об этом первым.

Отец хмыкнул. Он знал мой характер. Знал, что я не из тех, кто будет терпеть пренебрежение или глупость. Когда кланы начали переговоры о возможном союзе, я поставила условие: я сама решу, стоит ли этот брак того. Отец согласился. Он доверял моему суждению, как и доверял моему уму. У него не было сына, после того как мама родила меня, она не смогла больше иметь детей. Поэтому с детства меня воспитывали не как кисейную барышню, а как наследницу клана. И я не подвела, развив и укрепив позиции клана.

Мать, Гульнара Рашидовна, вошла следом — всё ещё красивая, с благородной сединой в волосах, в строгом костюме от Armani. Она обняла меня за плечи, от неё пахло ландышами, как всегда.

— Ты волнуешься? — тихо спросила она.

— Нет, — я чуть улыбнулась. — Я готова.

— Ты всегда была готова, — она поцеловала меня в висок и села рядом с отцом.

— Уверен, он не разочарует, — отец хмыкнул. — Шереметевы — серьёзные люди. Но ты, по обыкновению, будешь судить по делам, а не по словам. Это правильно.

— Я рада, что ты понимаешь, — я взяла чашку со свежим кофе и сделала глоток. — Папа, ты ведь не ждёшь, что я влюблюсь в него с первого взгляда?

— Жду, что ты примешь взвешенное решение. Ты всегда так делаешь. Любовь — дело наживное.

— Мама говорит иначе, — я бросила взгляд на мать.

— Мама говорит, что любовь приходит, когда её не ждёшь, — Гульнара Рашидовна улыбнулась. — Но и расчёт — не помеха. Мы с твоим отцом начинали как деловые партнёры. А теперь — посмотри на нас.

Я посмотрела. Отец сжал её руку. Между ними действительно было тепло, и я всегда подозревала, что их случай — исключение. Мне не нужна любовь. Мне нужен союз, который усилит наш клан и даст мне равного партнёра. Но где-то глубоко, в той части души, которую я не показывала никому, я завидовала им. Совсем чуть-чуть.

В этот момент снаружи послышался шум подъезжающих машин. Я перевела дыхание. Сердце билось ровно. Никакого трепета. Только холодное, ясное ожидание.

Дворецкий объявил:

— Андрей Константинович Шереметев прибыл.

Он вошёл. Высокий, в безупречном тёмно-сером костюме. Серо-голубые глаза скользнули по комнате, оценивая обстановку, задержались на отце, на матери — и на мне. На мне его взгляд задержался чуть дольше, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это еще что за новости?

— Добрый день, Марат Рустамович, Гульнара Рашидовна, — его голос был низким, хорошо поставленным. — Благодарю за приглашение.

— Добрый день, Андрей Константинович, — отец поднялся и пожал ему руку. — Наша дочь, Алина, как я понимаю, вы знакомы.

Я встала и протянула руку — ладонью вниз, как учила мать. Он взял её, легко коснулся губами и отпустил. Никакого замирания сердца. Никаких бабочек в животе. Но что-то было. Какое-то странное ощущение, будто в комнате стало чуть прохладнее, будто сам воздух сгустился вокруг нас двоих.

— Рада видеть Вас снова, Андрей Константинович, — сказала я ровно. — Наслышана о Ваших успехах.

— Взаимно, Алина Маратовна, — его губы чуть дрогнули. — Казань, говорят, теперь столица криптовалют. Ваша заслуга?

— Скорее, заслуга моей команды. Я только задаю направление.

— Скромно.

— Реалистично.

Он чуть наклонил голову, признавая выпад. Он умел играть, но первый раунд остался за мной.

Нас пригласили в столовую. Стол ломился от фарфора, серебра и хрусталя, но я едва замечала еду. Я смотрела на него — на то, как он держит приборы, как слушает, как говорит, и с каждым словом он оказывался умнее, чем я ожидала. Он не пытался пустить пыль в глаза, не хвастался сделками. Он задавал вопросы и слушал ответы. Это было непривычно. Обычно мужчины, с которыми меня знакомили, либо пытались меня подавить, либо откровенно скучали. Этот — нет. Он был внимателен. И каждый раз, когда он поворачивал голову в мою сторону, я ловила себя на том, что смотрю на его губы. Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт. Я сжала вилку и приказала себе прекратить.

— Блокчейн — это не только криптовалюта. — Сказал он, отпивая вино, и его голос звучал так уверенно, что я невольно заслушалась. — Если встроить его в логистику, можно отслеживать каждый контейнер без взяток, без серых схем.

— Вы говорите как идеалист, — заметила я. — А я думала, Шереметевы — прагматики.

— Прагматизм и идеализм не исключают друг друга. Просто идеализм стоит дороже.

Я усмехнулась. Он отвечал быстро, остроумно, и это заводило.

— Молодые люди, — вмешался отец. — Может, оставите бизнес на потом? Прогуляйтесь по саду. Погода чудесная.

Я метнула на отца быстрый взгляд, он улыбался в усы. Мы давно закончили обед, и теперь просто разговаривали, все еще сидя за столом.

— С удовольствием, — сказал Андрей, поднимаясь, и я встала следом, накинула шаль, вышла с ним на террасу.

Сад Золотарёвых был гордостью матери. Английские розы, татарские ирисы, фонтаны, увитые плющом беседки. В воздухе пахло жасмином и скошенной травой. Мы шли по гравийной дорожке, и я чувствовала его плечо в опасной близости от моего. От него пахло чем-то древесным, с ноткой табака — не куревом, а хорошим парфюмом, в который добавлена капля дыма. Запах обволакивал, и я поймала себя на том, что вдыхаю глубже, чем нужно.

Глава 7. Сад

Андрей

Мы вышли на террасу после плотного ужина, и я сразу пожалел, что не захватил сигареты. Бросил три года назад, но иногда, в минуты особого напряжения, пальцы сами тянулись к пустоте в кармане. Сейчас был именно такой момент. Рядом шла женщина, которая выбила меня из колеи, и это бесило. Я — Андрей Шереметев, мать его, и моя колея проложена по бетону и стали. Но эта Алина Золотарёва умудрилась за час общения проделать в титановой броне трещину, и я понятия не имел, как это исправить.

Сад у них был — закачаешься. Много цветов, фонтаны с каменными чашами. Всё ухоженное, вылизанное, но не вычурное. Со вкусом. Как и сама Алина. Я шёл чуть позади, позволяя ей вести, и смотрел на её спину. Вернее, на вырез на спине. До поясницы, мать его, до самой поясницы. Кожа гладкая, без единого изъяна, лопатки двигаются плавно, как у пловчихи. Под платьем явно ничего не было — ни бретелек, ни застёжек. Я сглотнул. У неё была осиная талия и бёдра, которые покачивались при ходьбе ровно настолько, чтобы свести мужчину с ума, но недостаточно, чтобы это выглядело вульгарно. Она двигалась как львица. И от этого у меня пересыхало во рту.

Чёрт. Я отвёл взгляд, уставился на розы. Розы как розы. Красные. Пахнут. Ничего особенного.

— У вас красивый сад, — сказал я, чтобы прервать молчание. — Английские розы?

— Мать увлекается, — она полуобернулась через плечо, и я снова увидел этот профиль — острый, точеный, с высокими скулами и тёмными глазами, в которых плясали чёртики. — Она говорит, что сад должен цвести, даже когда вокруг рушится мир. Это её стратегия.

— Мудрая женщина.

— О, да. Она тоже считает, что эмоции — помеха в делах.

Я хмыкнул. Она не просто так это говорит. Проверяет. Прощупывает. Хочет понять, как я отношусь к тому, что она — холодная стерва? Окей. Я тоже не подарок.

— Эмоции — не помеха, — сказал я. — Просто их нужно держать в узде. Как хорошего пса: не спускать с поводка, но и не запирать в клетке. Иначе загрызёт хозяина.

Она остановилась и повернулась ко мне. Солнце било ей в спину, и волосы, собранные на затылке, отливали медью. Она смотрела на меня оценивающе, без улыбки, и я вдруг почувствовал себя экспонатом под микроскопом. Непривычно. Обычно я на всех так смотрю.

— Вы интересно говорите, Андрей Константинович, — произнесла она. — Не ожидала.

— А чего Вы ожидали? Сухаря в очках, который бубнит про EBITDA и дисконтированные потоки?

— Честно? Да.

— Ну, — я поправил очки, — про EBITDA я тоже могу. Хотите?

— Увольте, — она чуть улыбнулась, и улыбка заставила сердце биться чаще. Еще пара таких улыбок, и начнется тахикардия.

— Вы не задали ни одного вопроса о моих чувствах, — сказала она, когда мы отошли достаточно далеко.

— А Вы — о моих, — парировал я. — Это освежает.

— Я не верю в чувства как основу для брака. Чувства приходят и уходят. Бизнес остаётся.

— Вы так говорите, будто Вам сто лет. А на вид — не больше двадцати пяти.

— Мне двадцать девять. И я знаю правила.

— Я тоже, — я снял очки и протёр их. — Я не предлагаю Вам любовь. Я предлагаю партнёрство. Союз на равных.

— Мне также важна верность, отсутствие измен. Это отвлекает и может привести к нежелательным потерям.

— Согласен. Что ещё?

— Дети. Когда мы оба будем готовы.

— Вы жёсткий переговорщик, Алина. Это мне нравится. Вы женщина, которая знает, чего хочет, и не боится об этом говорить. Это сегодня редкость.

— Таких обычно называют стервами.

— Я называю это достоинством.

У фонтана она остановилась. Вода журчала, переливаясь в лучах заката. Я встал рядом, глядя не на воду, а на её отражение. Она смотрела в фонтан, и на её лице была задумчивость. Не наигранная — настоящая. Я вдруг поймал себя на мысли, что хочу узнать, о чём она думает. Хочу залезть в её голову и посмотреть, что там за шестерёнки крутятся. Это было странное желание. Обычно меня не интересует, что творится в головах у женщин. Но эта — другое дело.

— Алина Маратовна, — сказал я, и мой голос прозвучал ниже, чем обычно.

Она повернулась. Её глаза встретились с моими, и между нами пробежала искра. Буквально — воздух стал плотнее, тяжелее. Я видел, как расширились её зрачки, как чуть приоткрылись губы. Она тоже это чувствовала. Чёрт. Я сжал челюсти.

— Я не умею танцевать вальс, — сказал я вдруг.

— Что? — она моргнула.

— На случай, если на свадьбе придётся. Я не танцую. Предупреждаю сразу.

Она расхохоталась. Не сдержанно, не светски — а по-настоящему, запрокинув голову. И этот смех — низкий, грудной ударил по мне сильнее, чем любой бизнес-план.

— Я тоже не танцую, — сказала она, отсмеявшись. — Так что будем стоять, как два истукана, и делать вид, что нам весело.

— Идёт.

Мы снова замолчали. Ветер шевелил листву, пахло жасмином и водой. Я смотрел на неё и думал о том, что она красива. Не так, как модели на обложках, — другой красотой. Острой, умной, опасной. И её спина Я снова перевёл взгляд на вырез. Позвонки выступали под кожей, как бусины чёток. Мне вдруг захотелось провести по ним пальцем. Один раз. Легко. Просто чтобы почувствовать, какая она на ощупь.

— Андрей Константинович, — она повернулась, поймав мой взгляд. — Вы смотрите на меня так, будто прикидываете, сколько я стою.

— Простите, — я не отвёл глаз. — Засмотрелся. Вы красивая женщина.

— Я знаю, — она склонила голову. — Вы не первый, кто это говорит.

— Я и не претендую на оригинальность. Я претендую на честность.

— Честность, — повторила она.

Мы стояли друг напротив друга, и расстояние между нами сокращалось — я не двигался, она не двигалась, но воздух становился горячее. Я чувствовал запах её духов — что-то восточное, мускусное, с ноткой ванили. И под этим — её собственный запах, тёплый, женский. У меня пересохло во рту.

— Нам пора возвращаться, — сказала она, но не двинулась с места.

— Да. Пора.

Я не двинулся.

Она подняла руку — поправила выбившуюся прядь у виска, — и я заметил, как дрожат её пальцы. Она была не так спокойна, как хотела казаться. Это открытие почему-то принесло мне удовлетворение. Значит, не только я тут схожу с ума.

— Я провожу Вас, — я предложил локоть, и она, помедлив, оперлась. Её пальцы легли на рукав моего пиджака, лёгкие, но я чувствовал их тепло сквозь ткань. Мы пошли обратно к

дому, и я старался дышать ровно. Считать шаги. Раз, два, три. Не думать о её спине. Не думать о том, как она смеялась. Не думать.

У дверей особняка она остановилась и повернулась ко мне. Закат золотил её лицо, и она выглядела как эльфийская королева из фэнтези — прекрасная и опасная.

— Спасибо за прогулку, — сказала она. — Я получила удовольствие.

— Я тоже, — я чуть наклонил голову. — Может, повторим? Могу я пригласить Вас на ужин? Завтра.

Она задумалась. Потом ответила:

— Завтра я занята. Совет директоров. Но послезавтра — возможно.

— Окей. Я позвоню.

— Позвоните, — она протянула руку, и я снова коснулся губами её запястья. Она задержала руку на секунду. Потом развернулась и скрылась за дверью.

Я стоял на крыльце и смотрел ей вслед. Потом глубоко выдохнул, поправил очки и пошёл к машине. Открыл дверь, сел, откинулся на подголовник и прикрыл глаза.

— В гостиницу, — бросил я.

— Так точно.

Машина тронулась. За окном поплыли улицы Казани — вечерние, подсвеченные огнями, красивые. Я не видел их. Я видел её. Её глаза, её спину, её пальцы, дрожащие у виска. Её смех.

Я опустил взгляд и осознал, что у меня стояк. Серьёзный, мать его, стояк. Как у подростка, который впервые увидел женскую грудь. Я сжал челюсти и поправил брюки.

Что за херня? Я не реагировал так на женщин уже сто лет. С тех пор, как... нет, даже тогда. С Настей всё было иначе. С Настей было тепло, спокойно, правильно. А здесь — пожар. Дикий, неконтролируемый, бесячий. Я не просил этого. Я приехал на деловые смотрины, я собирался заключить договорной брак, холодный и рациональный. А вместо этого сижу с каменным членом и не могу выкинуть из головы её вырез на спине.

Я провёл рукой по лицу. Надо взять себя в руки. Она — потенциальный партнёр, не более. Я не позволю гормонам вмешиваться в дела. Мы заключим союз, родим наследника и будем жить, уважая друг друга. Без этой дурацкой страсти, которая всё усложняет.

Но когда я закрывал глаза, я снова видел её. И моё тело отказывалось слушать доводы рассудка.

В гостинице я принял ледяной душ. Долго стоял под струями, пока желание не отступило. Потом вышел, обмотал бёдра полотенцем и сел на кровать. Достал телефон. Открыл переписку с Тимуром — он уже прислал отчёт по Голицыну. Всё шло по плану. Потом открыл фотографию Насти. Она улыбалась мне с экрана. Я смотрел на неё и ждал, что придёт чувство вины. Не пришло. Только лёгкая грусть.

— Прости, — прошептал я. — Я, кажется, начинаю жить дальше.

Я убрал телефон и лёг. Сон не шёл. В голове крутилась Алина.

И это пугало до чёртиков.

Но я решил: я позвоню ей. И посмотрим, куда это приведёт.

А пока — спать. И надеяться, что она не будет мне сниться. Хотя, блядь, кого я обманываю. Конечно, будет.

Глава 8. Ужин

Андрей

Утро после смотрин я встретил в гостиничном номере с видом на Казанский кремль. Солнце только вставало, красило купола в розовый, а я сидел на кровати и тупо смотрел в стену. Спал хреново. Всю ночь ворочался, просыпался, снова засыпал, и мне снилась она. Её спина. Её смех. Проснулся со здоровенным стояком. Принял холодный душ, потом горячий, потом снова холодный. Не помогло, пришлось рукой.

Я натянул брюки, заказал кофе в номер и сел у окна. Город просыпался — шумели трамваи, гудели машины, где-то лаяла собака. Но мысли были не о городе. Мысли были о ней. Алина Золотарёва. Женщина, которая за один вечер умудрилась пробить мою броню. Я не пробиваемый. Я — Андрей Шереметев, финансовый директор, стратег, человек, который просчитывает всё на десять ходов. Но она... она не просчитывалась. Она была непредсказуемой, острой, умной, и её грёбаный вырез на спине сводил меня с ума.

Я снял очки и протёр их — привычка, которая всегда раздражала отца. «Ты делаешь это, когда нервничаешь», — говорил он. Я не нервничал. Я анализировал. Но сейчас, если честно, я просто пытался выиграть время. Потому что мне нужно было принять решение. Уехать сегодня, как планировалось, или остаться?

Телефон пиликнул. Отец.

Отец: Когда возвращаешься?

Я уставился на экран. Обычно Константин Шереметев не писал сообщений — он звонил, рявкал, требовал. Текстовые сообщения от него были редкостью и, как правило, означали, что он в хорошем настроении. Или, наоборот, в таком дерьмовом, что не хочет слышать мой голос.

Я: Завтра.

Три точки мигали долго. Потом пришло:

Отец: Почему?

Я выдохнул. Набирал ответ медленно, подбирая слова:

Я: Оцениваю риски.

Пауза. Ещё три точки. Я представил, как он сидит в своём кабинете, крутит в пальцах сигару и щурится на экран. Потом пришло:

Отец: Не затягивай. Дела не ждут.

Я: ок.

Я отложил телефон и усмехнулся. Отец всё понял. Он всегда всё понимал — это было одной из его самых бесящих черт. Но он не стал давить. Значит, либо доверял моему суждению, либо сам был заинтересован в этом союзе настолько, что готов был дать мне время. Скорее, и то и другое.

Я вызвал машину и поехал в город в какой-то пафосный рестик.

— Блядь, — пробормотал я, уставившись в чашку. Кофе был хорош, но он не помогал.

Я полез в карман за телефоном и пролистал контакты. Алина Маратовна Золотарёва. Фотографию она не ставила — только инициалы на сером фоне. Я хмыкнул. Подходит. Никакой показухи. Только суть.

Я набрал номер цветочного. Продиктовал адрес особняка Золотарёвых и попросил собрать букет.

— Что желаете? — спросила девушка на том конце. — Розы? Лилии? Орхидеи?

— Белые каллы, — сказал я, не задумываясь. — Длинные стебли, никаких рюшек. Строгий букет. И записку.

— Текст?

— «Завтра в семь. Ресторан на ваш выбор. А.».

Девушка хмыкнула, но записала. Я отключился и допил кофе.

Потом я вернулся в гостиницу и погрузился в работу. Тимур прислал обновлённые данные по Голицыну: офшорные счета заморожены, активы заблокированы, в лондонском фонде паника. Я просматривал отчёты, вносил правки, отвечал на письма. Работа успокаивала. Цифры не врали, не спорили, не носили платьев с вырезом до поясницы. Цифры были послушны. В отличие от некоторых.

Ответ от Алины пришёл не сообщением, а звонком. Я поднял трубку.

— Андрей Константинович, — её голос звучал ровно. — Каллы это смелый выбор.

— Я не люблю банальности.

— Я заметила, — пауза. — Ресторан «Парус» на набережной. В семь.

Она повесила трубку, а я остался сидеть с телефоном в руке и дурацкой ухмылкой на лице. Она не просто говорила, она бросала вызов. И это заводило.

Время до вечера тянулось медленно, как патока. Я успел просмотреть все отчёты, дважды перечитать сводки с бирж и даже начать читать книгу, которую таскал с собой полгода, биографию Рокфеллера. Не помогло. В шесть я залез в душ, побрился особенно тщательно, надел свежую рубашку и новый костюм — тёмно-серый, в тонкую полоску. Запонки с гербом Шереметевых — орёл держит меч и весы. Часы — лимитированные Patek Philippe, подарок отца на тридцатилетие. Очки протёр до блеска.

Посмотрел в зеркало. Оттуда смотрел мужчина, который привык получать то, что хочет. Жаль, что внутри этого мужчины сейчас творился хаос.

В голове крутилась одна мысль: «Что я делаю?» Я, Андрей Шереметев, который после смерти Насти поклялся, что больше никогда не позволю чувствам вмешиваться в дела, ехал на ужин с женщиной, которая выбила меня из колеи за один вечер. И вместо того чтобы бежать обратно в Москву, я остался. Добровольно. Как идиот.

«Парус» оказался именно таким, каким я его представлял. Элитный, но не пафосный. Панорамные окна выходили на реку, и в них отражались огни вечернего города. Внутри — приглушённый свет, белые скатерти, живая музыка. Пианист играл что-то из Рахманинова, вроде, Второй концерт. Пахло аппетитно едой, дорогим парфюмом и деньгами. Её территория. Я оценил.

Она уже ждала. За столиком у окна сидела в тёмно-синем платье, которое облегало фигуру, но не выглядело вульгарно. Волосы распущены — впервые я видел её такой романтичной. Волосы спадали на плечи мягкими волнами, и в свете свечей отливали медью.

Я подошёл. Она поднялась, и я коснулся губами её запястья — дольше, чем позволял этикет. Она не отдёрнула руку.

— Алина Маратовна. Вы прекрасно выглядите.

— Андрей Константинович. Вы тоже ничего.

Она села, я — напротив. Официант принёс меню. Я открыл, пробежал глазами — устрицы, фуа-гра, ризотто с трюфелем, утиная грудка. Цены соответствовали. Я закрыл меню и отложил.

— Доверюсь вашему выбору. Вы здесь хозяйка.

Она чуть приподняла бровь.

— Доверяете? Это рискованно.

— Я люблю риск.

— Нет, не любите. Вы любите контроль. Но сейчас вы его отдаёте. Зачем?

— Чтобы посмотреть, что Вы с ним сделаете.

Она усмехнулась и заказала ужин на французском — бегло, с хорошим произношением. Я слушал и думал о том, что её французский лучше, чем у моей преподавательницы в Лондоне. Устрицы, салат с грушей и голубым сыром, утиная грудка с ягодным соусом, белое вино из Луары. Она знала толк в еде. Ещё один плюс.

— Вы говорите по-французски, — заметил я, когда официант ушёл.

— Мать настояла. Сказала, что леди должна знать языки. Я сопротивлялась, но теперь благодарна.

— На каком ещё говорите?

— Английский, итальянский, немного арабский. Отец хотел, чтобы я могла вести переговоры с ближневосточными партнёрами. А вы?

— Английский, немецкий. Французский понимаю, но говорю с трудом. В Лондоне стеснялся.

— Вы? Стеснялись? — она недоверчиво прищурилась. — Не верю.

— Мне было двадцать, — я пожал плечами. — Сейчас уже плевать.

Принесли устриц. Я смотрел, как она выдавливает лимон, как подносит раковину к губам, как на мгновение закрывает глаза. У неё были красивые руки — тонкие, с длинными пальцами и аккуратным маникюром.

— Вы смотрите на мои руки, — сказала она, не поднимая глаз.

— Смотрю. Они красивые.

— Спасибо, — она отложила раковину и взяла салфетку. — Давайте о делах, Андрей Константинович. Я тут подготовила кое-что.

Она достала из сумочки тонкий планшет в кожаном чехле и открыла файл. Я увидел таблицы, графики, диаграммы.

— Это отчёт по нашим активам, — сказала она. — Криптобиржа, NFT-маркетплейс, доли в логистических компаниях, которые работают с портами. Я хочу, чтобы вы понимали, с кем имеете дело. Чтобы не было иллюзий.

Я взял планшет и пролистал. Данные были... впечатляющими. Не просто цифры — выверенные, структурированные, с комментариями. Она сделала это сама — я видел по стилю. Ни один наёмный аналитик не напишет с таким азартом.

— Это впечатляет, — сказал я, возвращая планшет. — Особенно вот этот график по волатильности. Вы учитываете политические риски? Санкции, блокировки?

— Учитываю, — она отпила вина. — У нас есть резервные каналы в Гонконге и Дубае. Если рублёвые расчёты заморозят, переключимся на крипту. Но это крайний случай. Пока всё стабильно.

— А если государство решит прижать крипту?

— Тогда мы уйдём в серую зону, — она спокойно посмотрела на меня. — Вы же знаете, как это работает. Чем сильнее давят, тем глубже мы копаем. Полностью крипту не запретят — это как запретить интернет. Но мы готовы к любому сценарию.

Я кивнул. Она мыслила как стратег. Видела угрозы, готовила обходные пути, не полагалась на авось. Это было... сексуально. Я поймал себя на том, что снова смотрю на её губы, и перевёл взгляд на тарелку.

— Я пришлю вам подробные отчёты по нашим компаниям, — сказала она. — Чтобы Вы не брали кота в мешке.

— Кота в мешке? — я усмехнулся. — Я и не думал. Но отчёты посмотрю, и пришлю Вам наши данные. Спасибо.

— Не за что. Важно знать, с кем имеешь дело.

— Я уже знаю, — я чуть наклонился. — Вы — самая опасная женщина, которую я встречал. И это комплимент.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— Тогда Вы — самый холодный мужчина. И это тоже комплимент.

Разговор перетёк на другие темы. Мы говорили о книгах, о путешествиях, о том, как она училась в Лондоне. Я рассказывал о своём опыте — как в первый год жил в общаге, потому что отец хотел, чтобы я «понял жизнь», а не сидел в пентхаусе. Она смеялась, когда я описывал

свою берлогу с облезлыми обоями и соседом-ирландцем, который пил как лошадь и пел по ночам.

— И Вы это терпели? — спросила она, всё ещё улыбаясь.

— Терпел. Отец сказал: «Характер закаляется в дерьме». Он был прав.

— Мой отец говорил то же самое. Только отправил меня не в общагу, а на стажировку в Дубай, где я жила в хостеле с тараканами. Сказал: «Если выживешь там — выживешь везде». Я выжила.

— И тараканов прихлопнули?

— В прямом и переносном смысле.

Я расхохотался. Она вторила мне, и мы сидели, смеясь, как старые друзья, а не как потенциальные супруги на смотринах. И это было... правильно. Легко. Как будто мы знали друг друга сто лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.